ГАЛЬЯСЪ–УЧИТЕЛЬ И УЧЕНИКЪ.

Въ Бохарѣ–и–Шерифъ, благословенной, доблестной — стоитъ, въ числѣ пятисотъ мечетей, одна — древняя, простая, глиняная, черная и темная; но она пользуется необыкновенною святостію: только могила Богоутдина, этого знаменитаго праведника мусульманскаго, погребеннаго въ семи верстахъ отъ древней столицы и средоточія учености — Бохары, только эта могила считается исламитами священнѣе святой мечети. Кто, не выходя изъ нея, постится и молится нелицемѣрно и свято 40 дней и ночей сряду, тому является Гальясъ–учитель, но является скрытно, неожиданно, въ такомъ видѣ и подъ такою личиною, что его узнать невозможно. Гальясъ, какъ извѣстно всѣмъ правовѣрнымъ, не умеръ; но онъ нисходитъ однако–же не рѣдко въ образѣ плоти къ смертнымъ, и въ ожиданіи свѣтопреставленія, каждый разъ, отживъ

вѣкъ свой, преобразовывается изъ старца въ юношу; онъ стряхиваетъ бренную, изношенную оболочку плоти съ безсмертныхъ раменъ своихъ, и омолодившись, принимается жить снова. Съ незапамятныхъ временъ пророкъ Гальясъ избралъ темную и неблаговидную глиняную мечеть бохарскую, болѣе похожую на землянку, чѣмъ на храмъ, избралъ и предпочелъ ее всѣмъ каменнымъ и изразцовымъ мечетямъ столицы; пренебрегъ и древнею и очень святою каменною мечетью, стоящею подъ, такъ–называемой, горой, у самаго входа или въѣзда въ *аркъ*, въ замокъ ханскій, хотя самъ ханъ лично посѣщаетъ мечеть эту каждую пятницу. — Гальясъ также ни разу не удостоилъ присутствія своего тотъ знаменитый храмъ правовѣрія въ Бохарѣ, котораго каланча или манартъ искусно выкладенъ изъ зеленаго изразцоваго кирпича дивными узорами, испещренъ кирпичами, которые, то положены бокомъ, то ребромъ, то вкось, то угломъ, уступами, лѣстницею и рубцами, такъ что бохарцы

расказываютъ много чудесъ о святости человѣка, умудрившагося, съ помощію Божіею, скласть такую дивную махину, и ищутъ въ узорахъ этихъ тайныя письмена и таинственное значеніе.

И такъ, 40 дней поста и нелицемѣрной молитвы въ земляной мечети, сподобляютъ правовѣрнаго лицезрѣнія учителя. Въ одномъ медресѣ бохарскомъ, въ законоучилищѣ, куда стекались старые и малые для изученія словъ посланника господня, жилъ факиръ Мамбетъ. Все имущество его состояло изъ корана, цыновки и мѣднаго *кумгана* для ежедневныхъ омовеній. Все время дня и ночи проводилъ онъ въ созерцаніяхъ величія девяноста–девяти качествъ божескихъ, а потому желаніе и надежда увидѣться съ–глазу–на–глазъ съ Гальясомъ — было простительно и правдоподобно. Факиръ Мамбетъ похвалился, что 40 дней поста и молитвы для него бездѣлица, что онъ надѣется увидать Гальяса. И точно: сорокъ дней и ночей высидѣлъ онъ въ низкой и темной

мечети, гдѣ свѣтъ падаетъ только черезъ отверстіе потолка или кровли. Въ послѣднюю ночь сонъ его одолѣлъ и въ грезахъ своихъ представилъ Мамбету самого Гальяса, который сказалъ ему внятно и положительно: «утромъ ты меня увидишь наяву; я выйду изъ мечети послѣднимъ, по этому ты меня признаешь; не зѣвай.»

Съ восхожденіемъ солнца, едва азанчи полѣзъ только на призывную башню, какъ факиръ уже сидѣлъ на погостѣ, неподалеку входа въ мечеть, между древними чалмоносными истуканами, которые стояли, склонившись надъ прахомъ отжившаго поколѣнія мусульманъ, — сидѣлъ и ожидалъ нетерпѣливо, но смиренно, окончанія службы. Наконецъ имамъ заключилъ молитву символомъ вѣры ислама: «нѣтъ Бога кромѣ Бога, а Мохаммедъ его посолъ,» всѣ присутствующіе повторили за нимъ, поглаживая въ обѣ руки почтительно бороду свою: *ля илляхе, — иллялахъ, мохамедъ — расуулъ уллахъ!* Факиръ

Мамбетъ сталъ присматриваться на пеструю и разнообразную толпу, которая валила медленно и почастямъ, съ растановкою, изъ дома вѣры. Вотъ, казалось, послѣдніе вышли, и сзади всѣхъ идетъ плотный торгашъ самаркандскій, въ полосатой серебряной сусѣ, въ кашемирской чалмѣ, съ ножемъ, саженымъ бирюзою... но вотъ, еще кучка показалась изъ дверей, и за нею одинъ — и еще одинъ — не послѣдній–ли? Да нѣтъ; это знакомый человѣкъ, богатый и спесивый. Дѣдъ его выметалъ дворъ у одного славнаго факира, къ которому Надыръ–Шахъ, подступивъ подъ крѣпкую Бохару, посылалъ пословъ, убѣждая склонить хана къ добровольной сдачѣ города; послы принесли факиру мѣшокъ драгоцѣнныхъ каменьевъ, и факиръ велѣлъ неотвязчивымъ посламъ отдать мѣшокъ этотъ бѣдняку, который, за кусокъ насущнаго хлѣба, выметалъ у факира дворъ; нищій разбогатѣлъ разомъ, и этотъ спесивый правнукъ его забылъ, что дѣдъ его былъ бѣднѣйшій въ Бохарѣ поденщикъ! Вотъ еще человѣкъ; но и это не Гальясъ —

это есаулъ ханскій, который разгоняетъ передъ повелителемъ своимъ толпу черни на тѣсномъ базарѣ, на узкихъ улицахъ, и бьетъ тяжелою дубиной, которую величаетъ булавою, по головамъ безъ разбору; — это не Гальясъ. И еще нѣсколько человѣкъ вышли поодиначкѣ, а Мамбетъ продолжалъ глядѣть пристально въ темную дверь мечети, ожидая послѣдняго. Въ это время плохо одѣтый и скудно пропитанный старикъ подошелъ къ нему, оперся на клюку свою и разговорился о всякой всячинѣ; сказывалъ, говоря о превратности и суетности мірской, что еще помнитъ, какъ на мѣстѣ Бохары–и–Шерифъ стоялъ боръ дремучій, хотя нынѣ тамъ одинъ песокъ, да глинка; какъ львы рыкали и слоны прогуливались мѣрными шагами, гдѣ нынѣ этотъ муравейникъ — Бохара–и–Шерифъ; а наконецъ кончилъ рѣчь такъ: «Знаю, чего ты дожидаешься, факиръ–Мамбетъ, но не будетъ нынѣ Гальяса, приходи въ другой разъ.» Бѣдный факиръ ушелъ — печалился о неудачѣ своей и на подробный распросъ знаменитаго законоучителя своего, муллы

Абдрахмана, повѣдалъ ему все, какъ что было и что случилось.

«Дуракъ ты круглый,» сказалъ ему достославный учитель Ишанъ Абдрахманъ; «да кто–же это былъ, этотъ старикъ, коли не самъ Гальясъ, благословенной памяти? Кто–же могъ помнить то, что было на мѣстѣ Бохары–и–Шерифъ, которая едва–ли не современна самому Гальясу; кто можетъ знать и помнить это, коли не тотъ, кто старѣе всѣхъ людей на свѣтѣ, то–есть, самъ Гальясъ?»

Факиръ Мамбетъ спохватился — да поздно; прошедшаго нельзя было воротить, а вторично Гальясъ ему не показывался: онъ наказалъ неумѣстное любопытство бѣднаго факира, который сдѣлался посмѣшищемъ товарищей своихъ — и по примѣру славнаго законоучителя, Ишана, не рѣдко и другіе называли его «круглымъ дуракомъ».